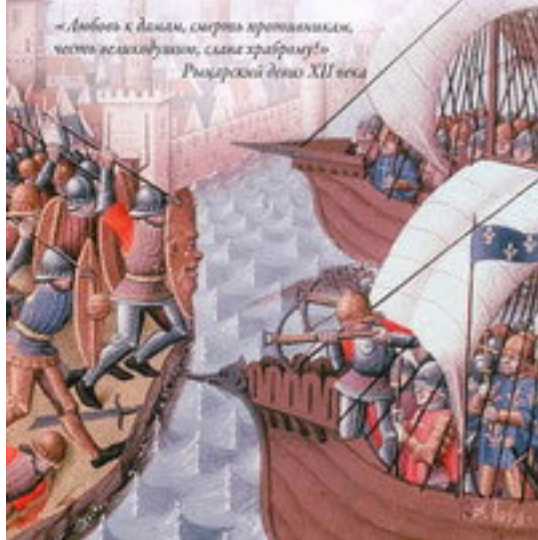

■ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ■

ИСТОРИЯ РЫЦАРСТВА

Самые знаменитые битвы

*«Любовь к делам, смерть противника,
честь и слава — это, сыны храбрые!»
Рыцарский девиз XII века*

Екатерина Монусова

История рыцарства.

Самые знаменитые битвы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=333282

*История рыцарства: самые знаменитые битвы / Е. Монусова: АСТ,
СПб., Астрель-СПб ; Москва; 2010
ISBN 78-5-17-066246, 978-5-9725-1761-9*

Аннотация

Они возвели на высшую ступень героизма военную доблесть – человеческую добродетель, являвшуюся оплотом всякого общественного строя. Они принесли в мир то, чем он может, пожалуй, гордиться больше всего: *рыцарский дух*. Они были жестоки, но чистосердечно старались установить на земле справедливость и, путем великого насилия, совершали великие дела.... Погружаясь в неповторимую атмосферу рыцарских битв, вы ощутите дух того далекого времени, узнаете, к чему стремились, о чем мечтали, как сражались те, чья жизнь была полна приключений и окутана романтикой, и кто стал легендой после смерти...

Содержание

Вместо предисловия	4
Вооружение и облачение	9
Боевые машины	27
Люди гибнут без металла	35
Оружие	46
Дело мастера боится	54
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Екатерина Монусова

История рыцарства.

Самые знаменитые битвы

Вместо предисловия

Как-то летним утром англичанка Дороти Стронг ехала по шоссе на такси. И вдруг... машина словно уперлась в невидимую стену: мотор заглох, а счетчик начал крутиться как бешеный! Впереди, справа, слева – повсюду появились солдаты в сверкающих доспехах. Через несколько минут эта «армия призраков» словно растворилась в воздухе... Вскоре свидетельства очевидцев, столкнувшихся с загадочным феноменом, были опубликованы в лондонском еженедельнике «Уик-энд». Все это случилось неподалеку от Оттерберна, где много лет назад произошла грандиозная битва между англичанами и шотландцами. Местные жители утверждали, что подобное здесь приключалось и ранее. А ученые в очередной раз попытались найти разгадку мистического явления, с завидной регулярностью повергающего в шок жителей разных частей планеты. Его называют «дроссолидес», что в переводе с греческого означает «капельки росы» – ведь миражи чаще всего возникают в предутренние часы, когда в

воздухе конденсируется туман. На нем, словно на незримой эфирной пленке, прокручивается старое «кино»: скрещиваются мечи, сталкиваются кони, падают поверженные воины. Вся эта буря давно канувших в Лету страстей причудливым образом отпечаталась в энергетическом пространстве Вселенной, чтобы спустя столетия поражать потомков. Природа этого явления, увы, пока не изучена. Кое-кто поговаривает даже, что воинственные миражи – всего лишь галлюцинации, вызванные испытаниями новых видов психотропного оружия, при которых количество пострадавших определяется мощностью передатчика. Но лично мне милее теория древних египтян, свято веривших, что мираж – это призрак страны, которой больше нет...

Нет больше на свете сказочной страны, в которой мужественные и благородные рыцари бились не на жизнь, а на смерть, начертав на своем знамени единственное слово – честь. Да и существовала ли она? Анатоль Франс напишет об эпохе рыцарства: «Были люди, творившие, конечно, много зла, – ибо невозможно жить, не причиняя зла другим, – но творившие еще больше добра, потому что именно они подготовили тот лучший мир, благами которого мы ныне пользуемся...

Они возвели на высшую ступень героизма военную доблесть – основную человеческую добродетель, до настоящего времени являющуюся оплотом всякого общественного строя. Они принесли в мир то, чем он может, пожалуй, гор-

диться больше всего: *рыцарский дух*. Они были жестоки, об этом я не забываю, но я преклоняюсь перед жестокими людьми, которые чистосердечно стараются установить на земле справедливость и, путем великого насилия, совершают великие дела...»

Весьма возвышенный взгляд – но великий писатель был французом, а для французского уха равно прекрасно звучат и звук провансальских песен, и музыка мечей. Самый, пожалуй, известный теоретик рыцарства чистокровный нидерландец Йозеф Хейзинга куда более скептичен. Признавая, что «рыцарские идеи были способны оказывать реальное воздействие на судьбу целых стран», он называет это воздействие скорее губительным, находя массу примеров того, как «рыцарские» поступки командиров приводили к упадку целые нации. Что ж, не станем оспаривать великих – тем более что «на войне, как на войне», не может быть одних лишь побед и одних поражений; у каждого своя правда, в стремлении отстаивать которую до конца средневековые рыцари поистине не знали себе равных.

История Средних веков – во многом история войн. Тогдашние солдаты воевали со вкусом. Они, как никто, умели «...лететь в атаку на добром коне рядом со своими братьями, родичами, друзьями, – пишет в своей книге „Европа в Средние века“ соотечественник Франса Жорж Дюби. – Часами напролет, в поту и пыли, с боевым кличем на устах рубиться, демонстрируя всю мощь, заключенную в твоих руках. Срав-

няться с героями эпоса, повторить подвиги своих предков. Одолеть противника, пленить его и потребовать выкуп. А иногда, в упоении битвы, не сдержаться и убить врага. Опыание от резни, от запаха крови... Весь день сражаться, а вечером озирать поле, усеянное мертвыми телами, – такова реальность XI века...»

Впрочем, в запахе крови и тогда было мало романтического, а история рыцарских войн отнюдь не заканчивается XI веком. Даже в XVI столетии, официально объявленном историками временем заката эпохи рыцарства, Мальтийский орден, во имя спокойствия на Средиземном море, посылал галеры против сарацин. Что же касается, сражения при Оттерберне, которое спустя многие века так испугало английскую леди, то оно имело место в году 1388-м от Рождества Христова – и вошло в историю войн как «битва, в которой мертвец одержал победу». Все дело в том, что шотландец Джеймс Дуглас, второй граф Дуглас, прозванный Черным, сын Уильяма Первого, графа Дугласа, женатый на Изабелле, дочери короля Роберта II (уфффф!...), вторгшийся в Англию, был в этом бою смертельно ранен. Чтобы новость об этом не поколебала отваги солдат, он приказал своим офицерам укрыть его в кустарнике. Рыцари отчаянно рубились всю ночь – и превосходящая шотландцев по силам армия сэра Генри Перси была повержена. Когда Перси спросил шотландского рыцаря, кому именно он должен сдаться, тот ответил: «Ни лорду, ни мужлану, ни мне – но тому, кто укрыт в зарослях ор-

ляка, что растет вон там...»

К этому моменту граф Дуглас был уже мертв – впрочем, возможно, это всего лишь легенда, которых немало породили те красивые и кровавые времена. А в крепости Оттерберна располагается сейчас отель *Otterburn Tower*, по свидетельству путеводителя прекрасно сочетающий в себе «шарм старины и комфорт современности». На тридцати двух акрах красивых лужаек вы можете насладиться ланчем или обеденными напитками. В фешенебельном ресторане вам будут поданы изысканные яства, приготовленные из свежих продуктов, выращенных в саду крепости или на близлежащих фермах. Стоит это удовольствие не так уж и дорого – каких-то 100 британских фунтов за ночь. Правда, явление призрака графа Дугласа за эти деньги не гарантируется. Но если вы все-таки дочитаете эту книгу до конца, то кто знает...

Вооружение и облачение

Не коротка ли кольчужка?

Вызывая восторженные взгляды мальчишек, они стоят в музейных залах, в сохранившихся замках и, случается, даже у входа в рестораны. Тяжелые металлические кованые фигуры... Кажется, подними забрало, и тебя встретит жесткий и острый, как кинжал, взгляд. Но блестящие латы пусты и бездушны, это лишь оболочка – рыцарские доспехи. На первый взгляд, их даже не отличить друг от друга. Но если они настоящие, а не современная стилизованная подделка, то советую остановиться и взглянуть повнимательнее. Посмотрите, прежде всего, на щит – что на нем изображено, какова форма «поля», к чему призывает девиз? Затем – шлем, есть ли на нем перья и какие? Возможно, его венчает фигурка? Нет ли орнамента, рисунка, как смыкается забрало?.. Все это сегодня представляет интерес только для исторической науки да разве что – для художников. А ведь когда-то от этих мелочей зависела жизнь рыцаря. Именно по символам и знакам, по предпочитаемым цветам и формам закованных в броню воинов можно было распознать свой он или чужой. Да и способны ли были в полной мере латы защитить рыцаря на поле брани? Вспомните знаменитое «коротка кольчужка», что с огорчением прошептал один из героев фильма

«Александр Невский», пронзенный немецким клинком...

На самом деле вариантов рыцарских облачений и вооружений великое множество. И тем, кто этим интересуется, изучать предмет своей страсти так же увлекательно, как настоящему филателисту исследовать марки. Разве что коллекции, пожалуй, не собрать. Образцы полных рыцарских вооружений в деталях можно увидеть в древнейших сборниках гербов (Wappenrolle). Особенно же в этом плане богата и разнообразна так называемая Цюрихская Wappenrolle («Цюрихский гербовник»), выпущенный в 1320 году. Рисовались гербы, как правило, на щите. Когда такой щит вывешивался на стене города, все понимали, что его защитником является владелец. Но не торопитесь за билетом в Швейцарию, если вы еще не побывали в Рыцарском зале нашего санкт-петербургского Эрмитажа. Там есть на что посмотреть!

Более пяти веков рыцари были главной военной силой средневековой Европы. Впрочем, не только военной. Хорошо известен их вклад в развитие градостроительства, мореплавания, торговли... Но почти всегда их жизненный уклад был связан с военными действиями. Если строительство, то крепостей или защитных сооружений, если выход в море, то на борьбу с пиратами или захват чужих территорий. Поэтому любое эволюционное поступательное движение несло с собой и развитие вооружений. И рыцарь в двенадцатом веке заметно отличался от своего пращура, скажем, из столетия десятого. При этом совершенствовались как доспехи, пред-

назначенные для защиты, так и наступательное оружие. Собственно, по-другому и быть не могло. И оружейных дел мастера тоже соперничали в поиске оригинальных решений...

Величественный Рыцарский зал Эрмитажа встречает вас тяжестью брони и тончайшим хитросплетением резьбы, которой она покрыта. Под тем и другим скрываются предполагаемые люди и кони. Кажется, сейчас раздастся пронзительный сигнал горна, и начнется сеча. Но настоящего, именно рыцарского, сражения не будет, как почти не стало их в XVI веке, к которому, в основном, относится эрмитажная коллекция. Боевые поля Европы уже бороздили регулярные армии, первым пушкам ничего не стоило издалека в пух и прах разнести бронированные шеренги рыцарской конницы. Обычный пехотинец с ранцем за плечами, правда, подготовленный и вымуштрованный, запросто в ближнем бою сбрасывал рыцаря с коня специально предназначенным для этих целей крюком. И килограммы грозной брони становились воину не помощником, а помехой.

Тем не менее великолепные доспехи и выставленное в витринах мастерски сделанное оружие были выкованы в те времена, когда рыцарей все чаще можно было встретить только в ополчениях, собранных по призыву своих сеньоров, в королевских эскортах да на турнирах, цена победы в которых выражалась лишь благосклонным взглядом прекрасной дамы. Может быть, именно поэтому столь искусно филигранное мастерство отделки доспехов. Трудно поверить,

что рыцарство переживало период упадка, когда на рукоятках мечей и кинжалов – россыпи драгоценных камней, а количество серебра и позолоты, покрывающее клинки, заставляет усомниться: для боя это оружие или для парадов, оружейник его делал или ювелир? Даже на копьях и алебардах, где драгоценности, казалось бы, неуместны, их компенсируют разноцветные пышные кисти и флажки.

Правда, парадный блеск был присущ рыцарскому оружию отнюдь не всегда. И главным его достоинством все же служил вороненый стальной клинок. Каковым было европейское рыцарское вооружение до десятого века, историки могут узнавать лишь по миниатюрам древних рукописей, о точности которых лишь одному Богу известно. Вот некое усредненное описание, приведенное на сайте так называемого «Клуба Авалон». Его члены участвуют в военно-исторических фестивалях, реконструируют события и, конечно же, изучают оружие древних.

«На заре рыцарства защитное вооружение состояло из длинной кожаной рубахи, на которую наклепывались железные чешуйки или даже просто железные полосы. Эта рубаха с короткими широкими рукавами свободно висела на воине и не должна была стеснять его движений. Иногда такой доспех дополнялся и короткими, до колен, кожаными штанами. На голове воина был кожаный капюшон, поверх которого надевался конической формы шлем с широкой металлической стрелкой, закрывающей нос. Щит был длинным, чуть

ли не во весь рост, миндалевидной формы. Он сколачивался из крепких досок и обивался с наружной стороны плотной кожей с металлическими оковами. Защищенный таким образом воин был почти неуязвим для современного ему наступательного оружия.

Иногда на кожаную основу вместо железных чешуек или полос нашивались рядами железные кольца; при этом кольца одного ряда до половины закрывали следующий. Позже оружейники начали делать доспехи, состоящие из одних только стальных колец, каждое из которых захватывало четыре соседних колечка и было наглухо запаяно. Однако справедливости ради надо подчеркнуть, что такая идея была позаимствована европейцами на Востоке. Уже в Первом крестовом походе, в самом конце XI века, рыцари столкнулись с врагом, одетым в легкие и гибкие кольчуги, и оценили такое вооружение по достоинству. Немало этих восточных доспехов досталось им в качестве военных трофеев, а позже производство кольчуг наладили и в Европе.

Уже к середине XII века рыцарство было полностью одето в кольчуги. На гравюрах того времени показано, что стальная чешуя закрывала воина буквально с головы до ног: и наножники, и перчатки, и капюшоны. Эту гибкую стальную одежду надевали на кожаную или стеганую поддеву, предохраняющую от ушибов, а они могли быть очень чувствительными, даже если меч или боевой топор не разрубал стальных колец. Поверх же кольчуги надевали полотняную туни-

ку, предохраняющую доспехи от порчи и нагрева солнечными лучами.

Поначалу туника выглядела очень скромно — она ведь предназначалась для боя, — но с течением времени стала роскошным, щегольским одеянием. Шили ее из дорогой ткани, украшали вышивкой — обычно изображениями родового рыцарского герба. Кольчужное вооружение было несравненно легче прежнего. Современники утверждали, что двигаться в нем было столь же легко и удобно, как и в обычной одежде. Рыцарь получил большую свободу действий в бою, был способен наносить врагу быстрые и неожиданные удары.

В таких условиях большой, закрывающий чуть ли не все тело щит был уже помехой: кольчужное плетение и так в достаточной степени защищало тело рыцаря. Щит, постепенно уменьшаясь, стал служить лишь дополнительной защитой от ударов копья или меча. Форма щитов теперь была самой разнообразной; на внешней стороне изображался герб, а с внутренней, укреплялись ремни, чтобы его было удобно держать на левой руке.

У прямоугольных или удлиненных щитов ручки-ремни были поперечными. В шести- или восьмигранных, а также круглых щитах ремни располагались так, чтобы при ношении основание герба всегда оказывалось внизу. Самый широкий ремень приходился на предплечье, а самый короткий и узкий зажимался кистью. Изменился и шлем, теперь он был не коническим, а кадкообразным, нижними краями он

опирался на плечи рыцаря. Лицо было закрыто полностью, оставались только узкие прорезы для глаз. Появились и украшения на шлемах, сделанные из дерева, кости, металла – в виде рогов, огромных когтей, крыльев, железных рыцарских перчаток...

Однако и у такого, вроде бы достаточно совершенного, надежного и удобного вооружения были свои недостатки. Кадкообразный шлем давал слишком мало воздуха для дыхания. В самый разгар схватки его даже приходилось снимать, чтобы не задохнуться. Сквозь узкие глазницы нелегко было ориентироваться; случалось, рыцарь не сразу мог отличить врага от друга. К тому же шлем никак не скреплялся с другими доспехами, и ловким ударом его можно было повернуть так, что перед глазами вместо прорезей оказывалась глухая сторона. В этом случае рыцарь был в полной власти противника...»

Это описание рыцарских доспехов и оружия я назвала усредненным, потому что, практически, такое же есть в других книгах, выложено и на многих сайтах, посвященных этой теме. А вот оригинальное, хоть и знакомое миллионам. У Вальтера Скотта в «Айвенго» читаем: *«Под плащом виднелась кольчуга с рукавами и перчатками из мелких металлических колец; она была сделана чрезвычайно искусно и так же плотно и упруго прилегала к телу, как наши фужайки, связанные из мягкой шерсти. Насколько позволяли видеть складки плаща, его бедра защищала такая же кольчуга; ко-*

лени были покрыты тонкими стальными пластинками, а икры – металлическими кольчужными чулками». Так был экипирован рыцарь Бриан де Буагильбер. Писатель полностью придерживался исторической правды. Его герой, участник Крестовых походов в Палестину, как раз с Востока привез свои доспехи. Но главными «законодателями оружейной моды» для европейцев были, безусловно, древние римляне. Рыцари только время от времени слегка видоизменяли образцы их оружия, делая его более удобным и смертоносным. Римские легионеры, например, виртуозно владели коротким полуметровым мечом. Обоюдоострый, конусообразный, довольно легкий клинок в ближнем бою позволял быстро и беспощадно колоть и рубить врага. Конечно, в зависимости от ситуации, римские воины также умело использовали и метательные копья или луки. А вот как почти поэтично, но со знанием дела описывает рыцарское оружие в своей книге «Многоликое Средневековье» русский историк, педагог, поэт и писатель, последний директор Императорской Николаевской Царскосельской гимназии Константин Алексеевич Иванов:

«...В этом вопросе мы ограничим свой интерес главным образом XII и отчасти XIII столетиями. Познакомимся сперва с оружием наступательным. Оно было двух видов: меч и копье. Меч в форме креста – исключительно рыцарское вооружение. Он состоит из трех частей: стального клинка,

рукояти и дискообразного дополнения к последней на самом верху. В древнейшее время употреблялись клинки односторонние, а потом вошли в употребление обоюдоострые. На клинках вырезались различные надписи и фигуры. Надписывалось или имя меча (так как существовал обычай называть их по именам), или какоелибо краткое изречение. Фигуры делались различными: так, мы встречаем упоминание о мече, на клинке которого с одной стороны были изображены три креста, а с другой – три леопарда. Вырезанные надписи и фигуры обыкновенно покрывались позолотой.

Из стран, приготовлявших мечи и вообще металлическое оружие, упоминаются различные места Франции, христианская Испания, Англия, Россия и Византия. Рукоять меча граничила с клинком поперечной перекладиной, которая и придавала мечу форму креста. Что касается дискообразного придатка к рукояти, он нередко сообщал мечу характер святыни, так как туда помещались частицы святых мощей и вообще какие-либо реликвии. Меч влагался обыкновенно в ножны, сделанные или из кожи, или из дерева, обитого богатой материей, или даже из золота. Ножны украшались и драгоценными камнями. Рыцарь молился перед мечом, воткнув его острием в землю, приносил клятву, положив руку на его крестообразную рукоять. Замечательный памятник средневековой поэзии – „Песнь о Роланде“ – необыкновенно ярко и трогательно изображает перед

нами ту горячую любовь, которую истинный рыцарь питал к своему мечу. Роланд, побежденный, несмотря на геройскую борьбу, врагами, смертельно раненный, думает о своем мече и говорит с ним, как с дорогим сердцу разумным существом. Не желая, чтобы его меч Дюрендаль достался в руки врагов, он с болью в сердце решается разбить его о скалу. Но меч крепок, он звенит, отскакивает от камня, отбивает куски гранита. Тогда рыцарь начинает оплакивать его:

Как ты красив, как свят, мой меч булатный,
В твоей золотой тяжелой рукояти
Хранятся мощи...
Не должен ты язычникам достаться;
Христов слуга тобой владеть лишь должен!
Но вот силы Роланда слабеют.
Почуял граф, что близок час кончины:
Чело и грудь объял смертельный холод...
Бежит Роланд – и вот под сенью ели
На мураву зеленую он пал.
Лежит ничком, к груди своей руками
Прижал он меч...

На меч вообще смотрели как на предмет священный. Да это и не будет удивлять нас, если мы вспомним, что каждый рыцарский меч предварительно освящался в церкви. Если рыцаря хоронили в церкви, меч клали на его гробницу. Кроме меча употребляли еще короткий острый нож или кинжал. Но как кинжал, так и бердыш не были настоящим рыцарским оружием.

Другим наступательным оружием было копьё. Последнее также состояло из трех частей: древка, железного наконечника и значка или флага. Древко достигало больших размеров, а именно восьми футов, а впоследствии даже пятнадцати. Приготавливалось оно из разных деревьев, но лучшим считалось сделанное из ясеня. Древко обыкновенно красилось преимущественно в зеленый или синий цвет. Снизу оно оканчивалось металлическим острием, которое легко втыкалось в землю. Железный наконечник копья чаще всего делался в форме ромба, как мы большей частью и представляем его себе, но бывали наконечники и в форме высокого конуса. Под наконечником тремя и более серебряными или позолоченными гвоздиками прибивался значок или флаг. Он достигал большой длины, спускаясь до самого рыцарского шлема, и заканчивался тремя длинными языками. Наиболее употребительными цветами его были зеленый, белый и синий. Иногда вместо флага прикреплялась длинная лента. Вот как описывается копьё Роланда в упомянутом уже нами поэтическом произведении:

Прекрасен граф,
Ему к лицу доспехи боевые;
В руках он держит острое копьё,
Играет им и к небу голубому
Подъемлет он стальное острие;
К копыю значок привешен белоснежный,
И от него до самых рук спадают
Златые ленты...

Значок не следует никоим образом смешивать со знаменем. Первый был общепринятым предметом, второе же составляло принадлежность только тех рыцарей, которые владели большими землями и приводили с собой на войну известное количество вооруженных людей. В XIII столетии и на флагах, и на знаменах появились гербы. Когда рыцарь шел, он нес свое копье на правом плече; когда ехал, держал его вертикально; наконец, во время боя – горизонтально, над бедром, а позднее и под мышкой. Копье было исключительно рыцарским оружием; оруженосец мог биться только со щитом и мечом (но не рыцарским). Иногда и копье, подобно мечу, имело свое собственное имя.

Как видим, тяга к украшению своего любимого оружия была не чужда и реальным, а не только «турнирным» рыцарям. Но гораздо важнее для них считались не внешний лоск, а боевые достоинства копья и меча. Примерно с десятого, а уже более детально – с одиннадцатого веков эволюцию защитных доспехов и наступательного рыцарского оружия исследователи могут проследить достаточно подробно. Поистине царский подарок будущим историкам сделала жена Вильгельма Завоевателя, предводителя норманнов, покоривших Англию в одиннадцатом столетии, королева Матильда. В музее французского города Байе хранится уникальный экспонат – огромный ковер, на котором изображены грандиозное сражение при Гастингсе в 1066 году и другие эпизоды покорения туманного Альбиона. Так вот, сохранилась легенда, согласно которой королева соткала этот ковер собственными руками, таким образом увековечив память о победах своего супруга. Знала бы Матильда, что много веков спустя по ее творению будут изучать образцы рыцарского оружия!

Итак, чуть скошенный к концу, прямой, длинный (не короткий, как у римлян) меч, украшенное флажком мощное копье, незамысловатый лук со стрелами – для наступления, кольчуга, шлем и щит – для обороны – вот основной арсенал рыцаря начала второго тысячелетия. Чтобы «доспех», как

говорят профессионалы, стал оружейным шедевром, специалисты в разных уголках Европы совершенствовались не одно столетие. И к концу XV века прогресс в оружейном, кузнечном деле и металлургии достиг в европейских странах такого состояния, что изготовление рыцарской амуниции, можно сказать, приблизилось к совершенству. В эпоху Возрождения конструкция так называемого готического доспеха стала самой практичной, но очень сложной и дорогой.

В честь римского императора Максимилиана I (1459–1519), от которого оружейники часто удостоивались похвалы и поощрений, они назвали одно из своих лучших творений «максимилиановский доспех». Как универсальный тип защитного вооружения в позднем Средневековье распространились доспехи, именовавшиеся пластинчатыми латами. Состоял такой доспех сверху вниз из глухого шлема, латного «ожерелья», кирасы, прикрывающей грудь и спину, наплечников, наручей с налокотниками, металлических перчаток, набрюшника или юбки. Некоторые варианты предусматривали так называемую срамную капсулу. Далее следовали набедренники, поножи, защищающие колени и голени. Завершали гарнитур латные башмаки. Только крупных деталей в доспехе набиралось до двух сотен. А если пересчитать все винты, пряжки и другие мелкие приспособления и крепеж – превысит и тысячу. Куда там современным кутюрье! Чтобы вся эта тяжесть не обрушилась, основные составляющие скреплялись между собой кожаными ремнями.

Кстати, весили боевые доспехи не так уж много, в среднем примерно тридцать пять килограммов. На первый взгляд такая амуниция кажется тяжелее. Но это, конечно, и немало. Попробуйте-ка часок-другой хотя бы походить в таком костюмчике. Однако ежедневная с детских лет физическая подготовка, свежий воздух, здоровая мясная пища – и рыцарь к нагрузкам готов. Между прочим, знаете ли вы, что современный морпех или спецназовец на марше несет на себе и поболее – около сорока килограммов? А учебный или боевой маршбросок – далеко не прогулка. Так что, как обычно, все решает тренировка...

Естественно, это было уникальное ручное производство по строгим меркам для конкретного рыцаря. Экипировка знатных господ рождалась тяжким трудом сотен и даже тысяч простых людей. А когда хозяин был слишком привередлив и требователен или применялись «новые технологии»? Скажем, императору Максимилиану I покрыли всю броню мелкими желобками, что сделало ее особенно прочной, но добавило не один желобок на лбах оружейников. Чего только не применяли мастера для отделки лат – гравировали, полировали, травили, чернили, покрывали золотом... Вот бы устроить шоу и показать всю эту роскошь на подиуме. Думаю, такое дефиле в наши дни имело бы грандиозный успех!

Между тем влетал боевой костюм хозяину в копеечку. Даже первые «модели» боевого облачения рыцаря и его коня, например, в десятом веке обходились примерно в сорок со-

лидов. Для сравнения скажем, что это стоимость около шести тысяч пшеничных караваев – для европейца в Средневековье богатство баснословное. В дальнейшем усложнение конструкции и повышение защитных качеств доспехов делало их еще дороже. Далеко не каждый мог позволить себе стать рыцарем...

Вооружение диктовало и соответствующую тактику боя. Скажем, в десятом веке защитный панцирь значительно легче было разрубить, чем проколоть. А вот когда в обиход вошла кольчуга, все стало наоборот. При рубящем ударе меч не рассекал, как прежде, наклепанные на коже железные полосы, а натывался на гибкую металлическую поверхность. Он скользил по свисающей складками и создающей эффект сплошной поверхности чешуе. Поэтому гораздо более опасным становился колющий удар. И лезвию меча придают необходимую форму с острым, разящим концом. Умелым выпадом бойца клинок раздвигает кольца кольчуги... спасения нет! Но оружейники доводят эффект колющего удара меча до совершенства. Чтобы меч не гнулся и не ломался, его по всей длине усиливают выпуклым ребром, проходящим в центре от рукояти до разящего жала на конце.

Конечно, не было жесткой, раз и навсегда утвержденной, технологии. При изготовлении такого меча на наковальню ложилась стальная полоса, которая вполне могла «гулять» по ширине от трех до восьми сантиметров, и по длине – до метра. Когда лезвие было готово, наступал черед рукояти.

Неважно, выделялась она из кости или дерева, но от ее удобства во многом зависела разящая сила удара. Обвивающая рукоять рука оказывалась сверху под защитой так называемой гарды, придающей мечу форму креста, а утолщение внизу делало хватку удобной и надежной. Меч лежал на левом боку в ножнах, удерживаемых кожаной перевязью. Хотя было время, когда оружие крепилось на поясе по центру, что, видимо, удобства не создавало. Мечи, как и кони, становились рыцарям лучшими друзьями. Поэтому часто они получали собственные имена. Вспомните Дюрандаль рыцаря Роланда. А его верный соратник Оливье носил меч по имени Альтклэр. Коль уж зашла речь о конях, поведаем и о том, как были они защищены в бою. Добавлю только прежде несколько слов о втором рыцарском важнейшем оружии, как раз связанном со скакуном, – копье. Со временем оно удлинилось до четырех метров. Страшный удар копья несущегося на коне рыцаря могла сдержать, правда далеко не всегда, только чешуя кольчуги. Узкий четырехгранный острый металлический наконечник часто оказывался смертоносным жалом для врага.

Боевые машины

И примешь ты смерть от коня моего...

Такие кони сегодня – редкость. Если судить по гравюрам, а ничего другого нам не остается, то рыцарский четвероногий друг и главный помощник был чем-то средним между арабским скакуном и рейнским тяжеловозом. Ведь от него требовались и скорость, и сила, и выносливость. А выражение «железный конь», которое даже любой мальчишка сегодня понимает как автомобиль, в рыцарские века можно было считать абсолютным отражением действительности. Бронированная одежда лошади была не менее сложна, чем у хозяина. Кстати, и по цене обходилась не дешевле.

Есть одна легенда из истории Столетней войны (1337–1453) между Англией и Францией. На исход конфликта этот эпизод не повлиял – он был, как говорится, местного значения. Но для нашего рассказа очень показателен.

Как-то столкнулись между собой два отряда из противоборствующих сторон, примерно по тридцать человек с каждой. В английском отряде были и немцы, и фламандцы. И, как утверждает легенда, и те, и другие, и третьи – наездники были никакие. Тогда англичане решили пойти на хитрость. Следуя ритуалу вступления в битву, они предложили французам сразиться пешими. Те, хоть и были в такой манере ведения боя слабее, посчитали ниже своего достоинства отка-

заться. Построили фаланги, копья – наперевес, и вперед. Как и следовало ожидать, англичане начали теснить соперника. Уже четыре французских рыцаря рухнули на землю. И тогда оставшиеся объявили перерыв. (Так и вижу перед глазами эту череду рыцарских реверансов.)

Посоветовавшись, французы решили, что жизнь все же дороже рыцарского слова. Тем более что по уставу они обязаны сражаться наиболее эффективным способом, ведущим к победе. И тогда на поле боя пешими вновь вышли только двадцать пять воинов. Двадцать шестой же вылетел верхом. Его тяжелый конь врезался в строй англичан, уложив на месте почти десяток рыцарей. Остальные бросились врассыпную. А всадник помчался за ними вдогонку, продолжая уничтожать врагов. В результате все они либо погибли, либо сдались на милость победителю. Таким образом, один конь решил исход, казалось бы, заведомо проигранной битвы...

Впрочем, подробный рассказ об этой битве еще впереди. Пока же для нас важно одно – хороший боевой конь в нелегком ратном деле был незаменим. Поэтому заботился о нем рыцарь ничуть не меньше, чем о себе любимом. И совсем нередко можно было увидеть броню конских защитных доспехов покрытой роскошной позолотой, сложнейшей чеканкой или гравировкой.

К началу эпохи Возрождения кольчужная или кожаная защита скакуна стала меняться на латы. Это была тяжелая, но надежная преграда для вражеского копья или меча. В

конский доспех обязательно входили наголовник с ушными трубками и прорезями для глаз, порой, как фары на автомобиле, заботливо прикрытыми решеткой. Выковывался он, как правило, из цельного листа металла, чтобы надежно защитить лоб. Чешуйчатые полосы, напоминающие устройство панциря креветки или рачьего хвоста, закрывали шею и гриву. На широкую грудь лошади спускался латный шарф, затем следовал металлический накрупник. Несколько широких, загнутых по форме листов обороняли не только грудь, но и верхнюю часть передних ног. Бока тоже находились под защитой стальных листов, которые плотно смыкались с нагрудником. Даже возможным ударам сзади препятствовала броня, хитро собранная из стальных деталей.

Нелегко, конечно, было бедняге под такой «попоной», да еще с закованным в многокилограммовые латы седоком в седле. Сами седла на таких массивных доспехах тоже вынуждены были делать большими. Широкая передняя лука становилась дополнительным щитом, закрывающим бедра седока, а высокая спинка выполняла эту роль сзади. Поводья и узды делались также основательно – из широких полос кожи и покрывались часто наклепанными бляхами из различного металла. Они предназначались, прежде всего, для украшения, но случалось в сече спасали и от ударов меча.

Чтобы весь этот сложнейшей конструкции панцирь не двигался, крепко сидел на нужном месте, не натирал кожу и не наносил коню других повреждений, под него предвари-

тельно укладывалась опорная основа. Она тоже была не так-то проста, сбивалась из деревянных брусков, покрывалась тканью или кожей. Те же, кто имел такую возможность, всю опорную основу делали из китового уса. Облаченный конь, тем не менее, должен был активно передвигаться и беспрекословно следовать команде хозяйской руки. Русские тяжелооруженные воины скакали на конях, породу которых называли «боярской». И так же беззаветно дорожили своими боевыми помощниками. Вспомните русские народные сказки, где на перепутье написано «направо пойдешь – коня потеряешь». Ни в одной из них богатырь не поворачивал в ту сторону.

Между тем рыцарский конь – и это хорошо показал описанный эпизод англо-французского боя – всегда был активным и равноправным участником баталии, от которого требовались абсолютно определенные действия. Тренировкам лошадей, их подготовке по специальной программе посвящались многие часы и дни. В шестнадцатом веке даже появились книги по обучению лошадей, предназначенные, конечно, для учителей, а не для их гривастых подопечных. «Курс молодого бойца» включал тренировку коня на преодоление всевозможных наземных и водных препятствий. Их учили мгновенно стартовать и останавливаться. Причем с места конь должен был уходить в любой аллюр, даже в галоп, и наоборот, – тихо и аккуратно пятиться назад. Но особым мастерством считалось научить боевого скакуна наносить уда-

ры копытами.

Словом, конь становился настоящей боевой машиной. Но сделать его таковым было ничуть не проще, чем вести сражение. Ведь «машина»-то живая, причем умная и обуреваемая в бою массой чувств. Сколько раз мы на спортивных соревнованиях наблюдали, как лошадь в испуге тормозит перед препятствием, и его преодолевает только вылетевший из седла всадник. А если животное встречает не просто планка, а лес выставленных копий? Как преодолеть инстинкт самосохранения? Можно найти немало описаний рыцарских и других древних сражений, в которых в панику впадали и обращались в бегство именно лошади. Поэтому коней приучали беспрекословно повиноваться малейшему движению узды, не обращать внимания на шум, не пугаться огня и дыма, на скаку избегать стрел и ударов мечей и копий. В бою они должны сами сбивать с ног и затапывать всех встречавшихся на пути. Породы «психологически устойчивых», храбрых и злобных боевых лошадей выводили и выращивали специально.

Однако, как ни умен конь, а человек умнее. И он коварно обращал в свою пользу его инстинкты. Всем известны выражения «лошадь понесла» или «загнанная лошадь». Любое животное прекратит бег, если уже нет сил, и не выдерживает сердце. И только конь, практически впадая в транс, может скакать, пока не упадет замертво. А если рядом несутся десятки или сотни его сородичей, то подверженных стадному

инстинкту, пришедших в крайнее возбуждение боевых скакунов не заставят свернуть или остановиться ни щиты, ни пики. Помогало и тактическое построение. Атакующая конная рать разворачивалась тупым клином. Первые ряды должны были нестись вперед, иначе их затопчут задние, и уйти в сторону не позволяли крылья клина. Впрочем, на этом кавалерийские атаки рыцарей строились нечасто, так как они все же предпочитали держать лошадей управляемыми. Кроме того, лобовое столкновение, как правило, приводило к массовой гибели его участников с обеих сторон.

Учителя «лошадиных школ» ничего не могли поделывать лишь с одним обстоятельством. Никакой дрессурой коня невозможно заставить напасть на кого-либо без команды, по собственной инициативе. Даже самые агрессивные и злые «распознавали» врагов только по указанию всадника. И если того выбивали из седла, то лошадь тут же становилась мирной и старалась свернуть туда, где могла бы с удовольствием пощипать травку. Важным для схватки рубящим оружием являлся и такой фактор, как размер коня. Удар меча или тяжелого топора сверху всегда был смертельным. Но крупные, рослые, а стало быть, тяжелые лошади уступали мелким собратьям в скорости и подвижности...

Участие рыцарей в турнирах, парадах и других торжествах требовало от них изрядных дополнительных расходов. Подготовленных для войны коней поверх брони покрывали шикарными расписными попонами. Роскоши ни в золо-

том шитье, ни в других украшениях не было предела. Здесь каждый фантазировал в силу своего снобизма и заносчивости. Осталось, например, свидетельство торжественного въезда Людовика XI в Париж для коронования в 1461 году. Рыцари, входившие в его свиту, покрыли своих коней попонами из бархата и парчи. Спускавшиеся до земли полотноща были не только роскошно расшиты, но еще и усыпаны маленькими серебряными колокольчиками. Рыцарь же Ла Рош, желая показать свою особую близость и преданность королю, навесил на попону своего скакуна настоящие колокола, с человеческую голову величиной. Очевидец процесса написал, что «происходил ужасающий звон».

Себя на подобных торжественных церемониях рыцари преподносили тоже должным образом. Сшитая из прочной материи или кожи туника, обычно лежащая поверх боевой кольчуги, в свою очередь тоже покрывалась красивым шелком или бархатом, под который подкладывали дополнительные металлические чешуйки. Каждая из них размещалась и крепилась на отдельном штифте. Их концы выпускали наружу, украшали позолотой, а кто мог себе позволить, и – драгоценными камнями. В общем, не только художественное произведение, но и настоящее инженерное сооружение. Понятно, что позволить себе такое мог далеко не каждый рыцарь. И, естественно, счастливые обладатели супердорогого наряда надевали его отнюдь не на бой. Между тем именно такое дополнение к кольчуге делало доспехи прочнее и надежнее

и оказало влияние на их дальнейшее развитие.

Люди гибнут без металла

Со временем укрепляющий доспехи слой металлических полос стал монтироваться на самой кольчуге. Все делалось для того, чтобы снизить эффект пропущенного страшного удара. Особенно дополнительной защиты требовали наиболее уязвимые в бою части тела. Так в экипировке появились наплечники, наручи, набедры, наколенники с поножами. Конечно, это страховало жизнь, но не делало рыцаря более расторопным. Например, наручи, что шли от плеча до локтя, и поножи – от колена до ступни, делали по возможности настолько объемными и облегающими, что руки и ноги оказывались закрытыми не только спереди, но защищались до середины их толщины. Застегнуть их сзади ремнями с массивными пряжками можно было только при посторонней помощи, которая возлагалась на оруженосца.

Средневековые рационализаторы приделывали порой к наручам дополнительные подвижные чешуйчатые пластины, способные прикрыть плечо или локоть. По такому же принципу удлинялись и поножи для защиты подъема ноги. Кожаные, с широкими раструбами перчатки рыцаря снаружи выглядели как бок крупного леща, сплошь усеянные металлической чешуей. На старте пятнадцатого столетия стараниями оружейников кольчуга несла на себе уже так много дополнительного металла, что сама она теряла всякий смысл.

Скрепленные между собой проваренными в масле, дубовой крепости полосами прессованной кожи, стальные детали были, как сейчас говорится, самодостаточны.

Стеганая кожаная куртка, на которую надевался такой панцирь, давала рыцарю тепло и уплотняла защитный слой. Поверх все так же набрасывали тунику. И хоть ее по-прежнему предпочитали делать нарядной, во главу угла все же ставилась функциональность. Теперь туника выкраивалась из двух частей – верхней и нижней. Та, что шла сверху, была узкой и плотно облегал туловище. Спереди она сильно укорачивалась, чтобы открывать более свободную нижнюю часть. К тунике стали прикреплять одну или две специальные металлические бляхи, а уж к ним – цепочки от меча, кинжала и даже шлема. Очевидно, чтобы не потерять в походе, как это часто происходит у нас с мобильными телефонами. В завершение, рыцарь опоясывался широким ремнем с металлическим обрамлением и солидной пряжкой. Пояс не затягивался туго, а свободно ложился на бедра, лишь удерживая ножны с мечом да кинжал.

Почти везде распространились совсем небольшие, в основном, треугольные щиты. А вот в лошадиные бока повсеместно вонзались шпоры, практически неизменной формы, с тех пор как они начали вручаться рыцарям при посвящении как символ полученного звания. Игравшим в войнушки даю подсказку – шпора – зубчатый кругляш на коротком стержне или просто круглый либо граненый шип по-преж-

нему пристегивается на сапог высоко над пяткой. Зато переменчивая мода немедля отозвалась и на защитном оснащении боевых рыцарских коней. Их кольчужная канитель так же, как и у всадников, уступила место накрепко связанным крепкой кожей металлическим пластинам. Кстати, о моде. Она действительно имела непосредственное влияние на развитие вооружения. Например, когда светский мужской костюм представлял собой обтягивающий камзол, карикатурно узкие штаны с буфами и длиннющие, порой даже с загнутыми кверху носами туфли, – похожей формой блистали и доспехи знатных рыцарей. Становилась одежда более широкой и свободной – тут же меняли покрой оружейники.

Конечно, отнюдь не веяния моды давали толчок к усовершенствованию оборонительных и наступательных качеств рыцарского боевого оснащения. А вот политическая и военная обстановка была к этому причастна напрямую. Упомянутая уже выше Столетняя война, как лакмусовая бумажка, отражала новые достижения и перемены в вооружении англичан или французов. Как только какое-либо усовершенствование давало преимущество одной из сторон, оно немедля становилось достоянием другой, и шаткие веса боевых шансов вновь выравнивались.

Все в этом мире имеет свои причинно-следственные связи. Но далеко не все ведет к положительному результату. Например, начало войны было значительно успешнее для англичан. Они подмяли под себя огромную территорию Фран-

ции, захватили Париж, но в итоге смогли сохранить из всех завоеваний только один приморский городок Кале. Успех расслабляет, начинает казаться, что теперь так будет всегда. Вот и у английских рыцарей развилось сибаритство, появилась тяга к щегольству, захотелось по красоте и богатству отделки боевого снаряжения превзойти французов. (У тех, несмотря на войну, подобное «пижонство», очевидно, было врожденным.) Пустое соперничество в оружейной «моде» тоже является фактом историческим. Даже достаточно аскетичные и консервативные немцы, в замки которых редко проникали светские французские новшества, вдруг полюбили навешивать на доспехи серебряные колокольчики. Но все же огромные человеческие потери, ужасная кровопролитность сражений, прежде всего, побуждали оружейных дел мастеров к изобретательности в поиске для рыцарей новых возможностей убивать, оставаясь при этом неприкосновенным.

Пятнадцатый век в этом отношении отличался не кардинальными изменениями в способах и видах вооружения, а, скорее, революционностью в функциональных возможностях отдельных его частей и деталей. Казалось бы, в железном рыцарском панцире уже все придумано. И неповоротливость – одно из его нелучших качеств. А вот придумал кто-то посредством небольших поворотных боковых пластин сделать наколенники подвижными, и рыцарь задвигался проворнее. При этом ноги воина от коленей до самой стопы

оказались прикрыты броней. Раньше металл обрамлял только переднюю сторону ноги, но мастера добавили сзади вторую металлическую половину, скрепив ее с первой прочными ремнями и специальными шарнирами, которые позволяли рыцарю не чувствовать себя скованным.

Повысился «коэффициент полезного действия» и наручей, которые делались прежде тоже половинчатыми. Локти закрыли круглые выпуклые бляхи. А рука теперь оказалась обрамленной сталью по кругу и по всей длине. Ремни надежно соединяли вместе металлические пластины, а шарниры давали возможность рыцарю рубить и колоть, свободно сгибая руки. Даже неизменные рыцарские шпоры удлиннили и увеличили колесики на концах. Вероятно, в конские бока они стали впиваться болезненнее и на доли секунды быстрее.

Поднимем глаза кверху и увидим новый, уже более нам знакомый «головной убор». Прежний тяжелый, кадкообразный шлем остался достоянием только участников рыцарских турниров, на которых все так же практиковались более массивные доспехи. Но и тот слегка изменился – «горшок» теперь начали крепить к наплечникам, чтобы лишить противника возможности сделать всадника «слепым». Помните, как ловким ударом он разворачивал шлем соперника, размещая прорези для глаз у него на затылке? Теперь такой маневр стал невозможен, а, напротив, прорези увеличили для лучшего обзора, все так же в целях безопасности закрывая их решеткой. А вот боевой шлем стал легче и «воздушнее»,

в нем появились не только глазные, но и дыхательные отверстия. Шарниры можно считать «козырной картой» новой конструкции защитных доспехов. Теперь на них по бокам шлема крепилось и забрало. И, как говорится, легким движением руки боец мог откинуть его наверх и при необходимости осмотреть всю панораму сражения, а в случае угрозы – тут же опустить, спрятав лицо за стальную стенку.

Постепенно вновь становились крупнее и скреплялись вместе отдельные металлические листы, и в итоге рыцарь сверху донизу оказался запакованным в броню. Сплошная кираса на груди и спине, о защите рук, ног и головы мы уже рассказали. Лишь одно существенное дополнение – некоторые детали наклепывались на ремни и в сочетании с другими, шарнирными механизмами делали доспех, а стало быть, и самого рыцаря – весьма подвижными.

Казалось бы, при таком удобном устройстве и максимальной защите нет уже надобности в щите. Зачем отягощать себя и занимать руки дополнительными инструментами. Но щит все-таки закрепленных за собой позиций не уступил, напротив, стал более полезным. Он снова изменил внешний вид – стал четырехугольным, закругленным внизу. Но, главное, родилось простое, но феноменальное изобретение, умножившее роль щита в бою. В правом верхнем углу появился вырез для копья. Так щит поменял фланг – стал носиться не на левой руке, а подвешенный через плечо на коротком ремне, не только прикрыл правую часть груди и пра-

вую же руку, но и оставил ее свободной для оружия. По истечении какого-то времени отказались и от ремня. Щит цеплялся к кирасе крючьями или попросту привинчивался. Однако к концу пятнадцатого века его, как и тяжелый в виде кадки шлем, все чаще можно было встретить только на рыцарских игрищах – турнирах.

Вроде бы пора заканчивать рассказ об эволюции доспехов. Ан нет, предела совершенству не бывает! Оружейники в который раз меняют форму шлема. На свет рождается «железная маска» под названием «салад». В словаре-справочнике Ю. Шокарева «Оружие» находим, что это *«итальянский и немецкий тип шлема XV–XVI веков. Появился он в Италии... из шлема бацинет, который утратил свой остроконечный купол и стал сферообразным. При этом боковые и затылочные части шлема удлинились, забрало исчезло, а над макушкой появился острый гребень. Шлем этого вида быстро стал популярен среди наемных солдат, поскольку, в отличие от бацинета, был более открыт и давал воину широкий обзор. Иную форму получил немецкий салат. Он был вытянут на затылке далеко назад, образуя назатыльник. В конце XV века к нему добавилось подъемное забрало со смотровой щелью и широкие боковые поля. Кроме того, дополнением к саладу был подбородник, крепившийся на груди кирасы. Немецкий салат исчезает около 1520 года, заменяясь более закрытым шлемом армэ, а итальянский сохранился на протяжении всего XVI века».*

Впрочем, в числе достоинств, отмечаемых в саладе, среди главных подчеркивается факт, что его можно легко откинуть на затылок, дав глазам обзор, а легким – приток свежего воздуха. В случае же опасности шлем можно было снова мгновенно нахлобучить на голову. Честно скажу, не знаю, в чем уж тут преимущество, слава богу, ни тем ни другим пользоваться не приходилось. Но среди объявлений соответствующих коллекционеров «Ищу салад...» встречается особенно часто. Видимо, вещь все-таки ценная. А вот то обстоятельство, что в результате усовершенствований вес доспехов снизился более чем вдвое, нельзя не отметить как фактор для рыцарей отрадный. Новый «костюмчик» уже отягощал всадника всего на двенадцать – шестнадцать килограммов. И это – несмотря на укрупнение отдельных металлических деталей. Активно передвигаться «на своих двоих», без коня, однако, и при таком весе на практике было невозможно. Тем более что он снова удвоился к концу пятнадцатого столетия. Это, очевидно, стало очередным подтверждением теории, что все развивается по спирали. Но причина оказалась уже совсем в другом. Рыцарям пришлось искать защиту от новой силы – появившегося огнестрельного оружия...

При всей дороговизне и сложности изготовления военных доспехов последнего образца их украшение – позолота, художественная чеканка и чернение становились все более востребованными. Эта тенденция довольно быстро распространилась от двора Карла Смелого, герцога Бургундского. Еще

раз повторять о том, что позволить себе такое вооружение мог далеко не каждый рыцарь, было бы, наверное, «моветоном». Но у них появилась и статья для экономии. Роскошь отделки доспехов теперь грех было скрывать под туникой, на ткань и художественную расшивку которой также уходило немало средств. К тому же, хоть бедность и не порок, но коль уж ты рыцарь, но не можешь купить достойное облачение – добудь в бою. Кстати, такие дорогие трофеи многие средневековые герои действительно приносили с полей сражений или получали в виде выкупа за пленных.

Кажется, этому процессу не было бы предела, не приди в мир абсолютно другое оружие. Если рыба гниет с головы, то рыцарская амуниция с головы совершенствуется.

Может, вы будете смеяться, но к концу пятнадцатого века оружейники изобрели новую, по утверждению изготовителей и самих пользователей наиболее удобную, практически совершенную форму шлема. И распространенный во многих странах салат сразу начал сдавать завоеванные позиции.

Находка, собственно говоря, состояла в удачных соединительных конструкциях, которые позволили одним приемом облачаться в детали, что раньше приходилось надевать по отдельности. К гребню сферообразного нового шлема крепилось на шарнирахдвигающееся вверх-вниз забрало. Подбородник же, что защищал также и шею, соединялся с ним петлями. Нижний край шлема имел специальный желобок, в него прочно вставлялся стоячий воротничок, переходящий

в ожерелье, которое закрывало плечи и верхнюю часть груди и спины.

Измененная форма нагрудника делала скользящим и отводила в сторону прямой удар меча и даже копья. К передней части по бокам надежно пристегивался наспинник. Крюк, что предназначался для поддержки длинного копья, приковывался и торчал справа из нагрудника. С ним же соединялись брюшные пластины, соответственно закрывавшие живот, такие же, но поясничные, разумеется, присоединялись к наспиннику. Существовал и такой термин, как оплечья. Они соединялись с ожерельем штифтами или ремнями. Причем правое делалось меньше левого, с учетом копья под мышкой. Дополнительной страховкой от боковых ударов в шею часто служил выходящий из оплечья довольно высокий гребень.

Предплечье теперь, не мудрствуя лукаво, облегалось цельнометаллической трубой, а нижняя часть наручей делилась на две застегивающиеся со стороны корпуса половины. Иначе вряд ли их можно было бы надеть. Локтевая раковина позволяла руке сгибаться, словно и не было на ней металла. Тяжелые железные рукавицы, брошенные в лицо для вызова на дуэль, пожалуй, прикончили бы оскорбляемого на месте, не прибегая к поединку. Впрочем, время дуэлянтов еще не наступило, а перчатки, которые, кстати, ухитрялись делать с разделенными пальцами, служили своему прямому назначению – защите кистей рук. Ноги до колен и ниже до щиколоток также покрывались простыми половинками труб. Нако-

ленники не мешали ногам сгибаться, при этом закрывали эту часть ног со всех сторон. Форма поножей зависела от модели обуви. Короче, доспех, на котором мы вынуждены были так подробно остановиться, по удобству и главному назначению был доведен до идеально возможного состояния. А что же с вооружением наступательным?

Оружие

Атакуй не атакуй...

Примерно в августе 2007 года в печати появилось сообщение о том, что «Сказание о Беовульфе» будет экранизировано и одновременно превратится в компьютерную игру. Ну превратится и превратится – из чего только в наше «героическое» время не делают компьютерных игр! Наверное, вряд ли всплыла бы эта заметка и в моей памяти, если бы не тема книги. Смутно вспоминалось, что история о Беовульфе связана с каким-то фантастическим мечом. Решила уточнить. Один из немногих дошедших до наших дней литературных памятников раннего Средневековья, записанный в восьмом веке, повествует еще о более ранних событиях. Так вот, Беовульф, в переводе – «пчелиный волк», а попросту – медведь, был племянником короля скандинавского племени геатов, обитающих на территории сегодняшней Швеции. Не буду вдаваться в подробности деяний героя, кому интересно, найдут эпос и почитают. Скажу лишь коротко, что Беовульф успешно воевал с великанами и чудовищами, владея полученным от данов, то есть датчан, мечом. «...*Меч с рукоятью, старинный Хрунтинг, лучший из славных клинков наследных. Были на лезвии, в крови закаленном, зельем вытравлены узорные змеи*». Оттенки этого узора, по утверждению мастеров, свидетельствовали о том, что меч ковался из

нескольких сортов железа и стали. В Древней Руси такие мечи тоже были в особом почете, их называли харалужными. Вот диалог между князем и новгородским посадником из исторического романа нашего знаменитого писателя Бориса Васильева «Князь Святослав»:

«— Я навестил тебя, великий князь, чтобы напомнить о нашем договоре. Совет Золотых Поясов принял решение заплатить берендеям и черным клобукам за их участие в твоём походе. Кроме основной оплаты, им обещано, что они получают долю с добычи, которую ты определишь.

— Ты решаешь за меня, посадник.

— Я лишь угадываю твоё решение, великий князь. Без конницы тебе не обойтись.

— Без чего мне ещё не обойтись, посадник? — насмешливо спросил Святослав.

— Без добрых дружинников. Совет Золотых Поясов по моему предложению отправил тебе на насадах (крытые водоходные суда. — Е. М.) две с половиной сотни самых драчливых крикунов Великого Новгорода.

— Прими мою благодарность. Так без чего ещё мне никак не обойтись в походе?

— Без харалужных мечей, великий князь. В Новгороде имеются товарищества, которые предпочитают волжский торговый путь — пути из варяг в греки. Они привезли три таких меча, которые я и перекупил через подставных лиц.

— Харалужные мечи? — Святослав не мог скрыть

своего изумления. – Впервые слышу о них.

Посадник, не оборачиваясь, протянул руку, и стоящий за его спиной новгородец тотчас же вложил в нее рогожный сверток. Посадник сорвал рогожу, в которой оказались мечи, и показал их Святославу. Два целых, а один – распиленный пополам.

– Я велел кузнечных дел мастерам распилить один клинок, чтобы понять его силу. Основной стержень откован из очень крепкого железа, он не гнется при ударе. Затем на него наклепывается режущая сталь, а поверх нее – еще один слой мягкого железа. Получается самозатачивающееся оружие. Им можно колоть и рубить, как мечом, но можно и резать подпруги лошадей и застёжки брони противника. У хазар нет такого оружия. Великий князь с детским восхищением рассматривал меч. Гладил, пробовал вес, определял центр тяжести, резко взмахивал им, точно пробовал силу, необходимую для удара. Вдосталь наигравшись, тепло сказал посаднику: – У меня нет слов. Проси, что хочешь...»

Выковать такой меч мог далеко не каждый, даже опытный кузнец. Вот и Беовульф у досталось оружие руки мастера Виланда, самого прославленного оружейника древней Европы. По старинной исландской легенде, он был сыном короля финнов, которого захватили в плен шведы. Случилось так, что Виланд как-то невзначай уронил в море нож шведского властителя. Он тогда отправился в кузницу и выковал копию, которую невозможно было отличить от уте-

рянного клинка. Король и не заметил подмены. Однажды на пиру он стал отрезать своим ножом от жареного кабана кусок мяса. Неожиданно лезвие, как масло, рассекло тушу и вошло в деревянную столешницу. Король обомлел и понял, что это не его нож. Виланд вынужден был рассказать о происшествии. Однако придворный оружейник не поверил рассказчику и вызвал его на профессиональное соревнование. Укрывшись от посторонних глаз, Виланд ковал свой меч несколько недель, а когда закончил, отдал на испытание. Сохранилось несколько вариантов легенды. По одному – меч одинаково легко разрубил камень размером с быка и набитый шерстью мешок. Другой повествует, что клинок воткнули в дно ручья, а по течению пустили гусиное перышко. Наткнувшись на лезвие, оно поплыло дальше, но уже в виде двух кусочков.

Дальше история еще более захватывающая. Мастер заявил, что сумеет сотворить меч совершеннее прежнего. Теперь следите за его изумляющими действиями. Виланд порубил сделанный клинок на мелкие-мелкие кусочки. Как он это сделал, предание умалчивает. Затем заставил гусей их проглотить. Следующее его занятие кого-то рассмешило, кого-то заставило брезгливо отворачиваться. Оружейник ходил за птицами и собирал их помет. Однако он хорошо знал, что делает. Выбрав из помета все обработанные гусиным желудочным соком стальные крошки, Виланд переплавил их в монолит и из него выковал меч.

Новейшие испытания уже нашего времени показали, что в гусиных желудках сталь насыщается азотом. Это придает ей твердость лучше, чем любая закалка. Миммунг — так Виланд назвал новый меч — оказался настолько хорош, что мастер счел короля его недостойным. Тогда он за три дня выковал другой, похожий, который и решил отдать монарху. Но на состязание он вышел с Миммунгом в руках. И когда положил его на шлем противника и чуть-чуть надавил, клинок разрезал его вместе с панцирем пополам. Коварный король по наущению жены отдал приказ подрезать оружейнику сухожилия, чтобы тот не мог уйти и работал только на него. Однако, немного поправившись, Виланд жестоко отомстил обидчику. Своим великолепным мечом он убил двух его сыновей, изнасиловал дочь и скрылся вместе с чудо-клинком. Что было с ним дальше, для нашего повествования значения не имеет. Но уже сын мастера, Виттих, преследуемый врагами, опасаясь, что непревзойденное творение отца попадет к ним в руки, прыгнул в море с высокого утеса, обнимая Миммунг... Да, прославленное в боях, хорошее рыцарское оружие передавалось по наследству из поколения в поколение. Беовульф, с которого мы начали рассказ о чудесном мече, тоже, отправляясь на битву, завещал данам, в случае его гибели, передать оружие на его родине достойному воину. Помните у Высоцкого в песне «Книжные дети» из фильма «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго»:

Попытайся ладони у мертвых разжать,
И оружие принять из натруженных рук...
Испытай, овладев еще теплым мечом
И доспехи надев, — что почем, что почем...

Рыцарское наступательное оружие, в отличие от оборонительного, менялось не так стремительно. Короткий или длинный, обоюдоострый или заточенный с одной стороны, с украшениями и без — главным во все времена оставался меч. Рождение цельного металлического доспеха заставило оружейников сделать короче, но толще копье — вторую важнейшую ударную силу всадника. Оно всегда делалось из твердых пород дерева, металл шел только на наконечник и «воронку», защищающую руку. Как правило, обязательной принадлежностью рыцаря был и кинжал. Его узкое и длинное, зачастую — четырехугольное лезвие находило малейшую брешь в доспехе поверженного противника. Кинжал даже в бою висел на поясе, за него брались только в тесной рукопашной схватке, когда для копья и меча уже не находилось пространства. Любопытно, что французы называли кинжал *la misericorde* — милосердие, потому что гордые рыцари, в случае ранения, предпочитали не просить о пощаде, а, напротив, призывали победителя добить их. Такая «милость» достойному противнику всегда оказывалась, как знак уважения к его храбрости и чести.

Редко использовался в ратном деле кривой нож, некое подобие обоюдоострого серпа с длинной рукояткой. А вот але-

барда, или как ее еще называют – бердыш, – нам по фильмам знакома. И русские опричники, и европейские рыцари возможности такого двустороннего топора с длинными, расходящимися концами в бою оценивали высоко. Булава, или палица, оказывается, служила любимым оружием не только Ильи Муромца и других сказочных русских богатырей. Мощные, рослые рыцари тоже не прочь были помахать в схватке грозной, толстой дубиной. Чтобы она в разгаре боя случайно не вырвалась из руки, к ней часто приделывали кольцо со страхующей цепью или веревкой. Иногда на ударном конце на цепи подвешивался сокрушительный металлический шар, хотя саму палицу тоже стали делать из железа.

Собственно, прародительницей булавы была простая деревянная дубина. Никакое другое оружие не способно было нанести столь оглушающий удар по голове, даже защищенной закрытым шлемом. А соприкосновение с относительно мягкой кольчугой было чревато серьезным ушибом и даже переломом костей. На уже упомянутом нами Байонском ковре можно увидеть, что иной раз булава служила рыцарям как метательное оружие. А во время передвижений всадники подвешивали ее к луке седла. Во времена Крестовых походов рыцари переняли ее новую, ставшую самой популярной среди европейцев форму – к ударному концу палица растопыривала широкие заостренные убийственные ребра. (На Руси она получила название «шестопер».) Неудивительно, что именно булава стала любимым оружием многих рыца-

рей. Есть версия, что впоследствии, перестав служить оружием, она преобразилась в командирский жезл.

Сродни булаве был мушкетер. Словарь Даля трактует его как деревянную колотушку, иногда оправленную железом. Военный молот отличался от нее по-другому закругленными концами. Все эти «колотушки» применялись в бою для проламывания металлических доспехов и шлемов. Но все-таки по большей части таким вооружением оснащались пехотинцы-наемники. Знала средневековая Европа и другое оружие, например огромный двухметровый меч. «Работать» им было возможно только двумя руками и то воину недюжинной силы. Поэтому такой «кладенец» можно смело отнести к числу редкостей. Впрочем, когда перейдем к описанию достоинств мечей, мы этих гигантов еще коснемся. С конца двенадцатого столетия и всадники, и пехотинцы стали широко применять, особенно при осадах, арбалеты. Известен исторический факт, что Ричард Львиное Сердце получил смертельную рану при осаде замка Шалю в Лимузене именно арбалетной стрелой...

Дело мастера боится

Существовал ли королевский сын оружейник Виланд на самом деле, теперь не узнает никто. Но до нашего времени дошли и подлинные имена. Их, к сожалению, не так много. По счастью, как и великие художники, они оставили на своих творениях автографы. Но клейма на оружии стали ставить уже в поздний период рыцарства. Испанский город Толедо дал миру потомственных оружейников Агирро, Эрнандеса, Руиса. Из Милана, который в Средневековье был крупным оружейным центром Италии, до нас дошли фамилии династий Миссалья и Пиччинино. Славились мастерами, создающими воинское оснащение, Генуя и немецкий Золинген, некоторые другие города. Теперь их шедевры составляют гордость коллекций даже знаменитых музеев. Во многом благодаря этим мастерам, страшное слово «военное» стало сочетаться с прекрасным словом «искусство».

Однако далеко не все европейские центры производили оружие качественное. «Китайская болезнь» подделок была известна и в те времена. И для того, чтобы застраховать свою марку и профессиональную честь, мастера наносили на клинки мечей свои «фирменные» надписи и «знаки качества». Самым известным среди них является *Ulfberht*. В Европе найдено около 170 мечей с таким автографом. Наиболее вероятной представляется версия, что это имя франк-

ского кузнеца каролингской эпохи, ставшего родоначальником целой династии оружейников. Марка *Ulfberht* на средневековом мече – это как «Зингер» на швейной машинке. Ученые пришли к выводу, что этот «семейный бизнес» процветал в районе Мааса, на Рейне, между сегодняшними Майнцем и Бонном.

Оружейные мастерские *Ulfberht* можно считать своего рода средневековым производственным феноменом эпохи, крупнейшим в истории средневековой Европы по размаху выпуска дорогого и престижного клинкового оружия.

Если история с гусями Виланда скорее все-таки сказка, и уж точно – экзотика, то подлинное массовое изготовление мечей было делом рук не одного человека и, выражаясь современным языком, требовало жесткой специализации. Производилось множество операций – проковка металла, закалка, заточка, полировка... На достаточно мягкую основу железного полотна наваривалось стальное лезвие. Например, технология дамаска – сварочной стали, рецепт которой был утерян и восстановлен лишь в конце XX века, была очень сложна. А ведь «дамаскатура» клинков проистекает из франкского мира. И именно французский исследователь Франс-Ланор восстановил технику сварочного дамаска, пусть и не самого яркого, но и поныне живущего штриха истории франкского королевства эпохи Меровингов. Но нас то интересует процесс изготовления клинков, ставших оружейными шедеврами.

Кузнец сваривал вместе четыре стальных и три железных полосы. Затем их перекручивали, делали надрубы, сворачивали в гармошку, снова перековывали в полосу. И только из нескольких таких заготовок заново варилась основа меча, и только тогда к нему присоединялось стальное лезвие. Варианты сочетания пластин давали различный рисунок на поверхности клинка. Эти «червячные» рисунки служили гарантией отличных боевых качеств дамасского клинка. Некоторые мастера-оружейники делали отличные мечи, не используя технику дамаскирования. Не потому, что они не владели ее секретами, скорее они умели по-другому работать с прочными соединениями стали и сделали это грозное оружие дешевле в производстве. Мечи франкских мастерских были настолько хороши, что даже стали предметом разветвленной контрабанды.

Случалось, что рыцари охотно брали в бой клинки, предназначенные для солдат-пехотинцев, особенно когда такие отряды находились у них в подчинении. Короткие и, наоборот, длинные, тяжелые двуручные мечи ландскнехтов даже были в рыцарской среде весьма распространены. Двуручные, в человеческий рост мечи заслуживают нескольких отдельных слов. Они, как правило, служили тараном в руках мощных бойцов, перед которыми ставилась задача прорубить в стане противника дорогу следующим за ними солдатам. Гигантскими клинками вооружались и те, кто был ответственен за охрану знамени или командира. Понятно, что такой меч

на пояс не подвесишь. Поэтому в ножны их не вкладывали, а на марше просто несли на плече или, если позволял рост, — на перевязи за спиной.

Хоть предположительно появились первые такие мечи в Германии, окрестили их фламбергами, от французского «фламме» — пламя. Почему пламя? От формы клинка, который или полностью, или на две трети от рукояти делался волнистым — пламенеющим. Такая конструкция при рубящем ударе уменьшала длину поверхности поражения, а значит, увеличивала приложенную силу на единицу площади. И наоборот, когда меч отводился назад, он по принципу пилы глубже рассекал врага. Некоторые исследователи добавляют, что пламенные изгибы прибавляли мечу свойства сабли, которая через Польшу и Венгрию попала в Европу. Но что в рыцарском военном сообществе оказалось первым — «яйцо» или «курица», вам не скажет никто. Да и рассматриваемый временной промежуток смешной, всего-то каких-то три века от четырнадцатого по шестнадцатый.

Были еще мечи «в полторы руки»... Но, пожалуй, хватит о них. Все равно от прогресса не убежать, и на исторической сцене второй половины шестнадцатого столетия мечи теряют роль главного рыцарского «жала смерти» и уступают подмостки изящным шпагам. Правда, и те, по сути, лишь разновидность мечей, но усовершенствованных и облегченных...

Добавим несколько интересных подробностей об эволюции копья, второго, а может первого, по важности наступа-

тельного оружия рыцаря. Как-то в одну из поездок в Испанию мне довелось побывать на рыцарском турнире. Конечно, это был спектакль для туристов. Но зрелище несущихся друг на друга всадников с толстенными деревянными, пусть даже закругленными на концах, пиками, довольно впечатляет. Что уж говорить о турнире, а тем более – о бое настоящем! Первые рыцарские копья были примерно трехметровой длины с насаженными на конце железными остриями с боковой заточкой и ребром посередине. Удар такого копья хороший доспех выдерживал. Во второй половине двенадцатого века его удлиннили до четырех, а то и до пяти метров. Да и за счет увеличения диаметра копье стало тяжелее. Всаднику уже приходилось зажимать древко под мышкой, рукой уже было не удержать. Однако даже так длинное копье «гуляло», так как его центр тяжести убегал далеко вперед от корпуса.

Целых два столетия ушло на признание факта, что оружию требуется дальнейшее усовершенствование. Тогда ему придали форму конуса, сделали на конце древка утолщение, а поперечным упорным диском избавили от возможности проскальзывания под рукой. Центр тяжести подобрался ближе к человеку, а опорный крюк на защитном доспехе, о котором мы уже упоминали, сделал «несение» копья почти комфортным. Это мощное наступательное оружие существовало в армиях Европы до самого конца шестнадцатого века, пока его окончательно не вытеснили вначале тоже немаленькие, но уж никак не размером с копье винтовки и пистолеты...

Вернемся, однако, к общим принципам вооружения рыцарских кланов. Независимо от материального состояния рыцаря, существовал перечень воинского оснащения, которое он должен был иметь непременно. Генрих II Плантагенет издал в 1181 году ассизу (свод законодательных установлений, считавшихся обязательными для господствующего класса) о вооружении. В ней предписывалось: *«Пусть каждый, кто держит рыцарский фьеф, имеет кольчугу, шлем, щит и копье»*. (Фьеф, или лен, феоде, — мелкая единица феодалного владения. — Е. М.) Устав ордена тамплиеров делает это более детально. Обычное рыцарское снаряжение должно содержать шлем или железный шишак, кольчугу, включая наплечники, наручи, ножные доспехи и обувь, белую гербовую котту поверх кольчуги с красными крестами спереди и сзади, щит, меч, копье, «турецкую палицу» и кинжал. Во Флоренции в тринадцатом столетии рыцарям полагалось иметь шлем, кольчугу или панцирь, а также усиливающую защиту корпуса дополнительную кирасу, стальные *stivaletti* для ног, ну и, разумеется, меч, копье, малый щит, называемый тарч, или большой — *tabolaccio*.

Расслоение рыцарства к тому времени принесло и разные требования к доспехам и вооружению, и даже к количеству оруженосцев и лошадей. Однако в тринадцатом веке рыцарю полагалось иметь минимум трех лошадей. Великий магистр ордена тамплиеров давал личное разрешение на обзаведение четвертой. Венеция заключила в 1239 году соглаше-

ние с римским папой Григорием IX, по которому она брала обязательство направить для крестового похода «триста рыцарей и обеспечить каждого конем боевым, двумя выючными лошадьми и тремя оруженосцами». Граф Прованса Раймонд VII тогда же дал обет папе служить на Апеннинском полуострове с сорока рыцарями и десятью арбалетчиками. В договоре говорилось, что каждый рыцарь будет иметь в своем распоряжении пять коней...

Подобных примеров можно найти немало.

В этом мире в социальном отношении мало что изменилось. Равенство нам может только сниться. Вот и *primi milites* – рыцарям знатным полагалось оснащаться богаче, иметь лошадей породистых, оружие – дорогое, свиту – побольше. (Справедливо ли было давать им второе название – рыцари отважные?) Но ведь были еще и рядовые рыцари (*milites gregarii*) и даже *milites plebei* – рыцари-простолюдины. Вот так вот, а вы говорите – рыцарство! Богу, как говорится, Богово, а кесарю – кесарево. Однако не будем сегодня радеть за давно канувшие в Лету рыцарские права – нам бы в своих разобраться, – а станем придерживаться исторических фактов.

В феодальную эпоху при Филиппе-Августе во Франции и Генрихе III – в Англии появились так называемые рыцари-баннереты, которые были выше по положению рыцарей-башельеров или рыцарей-бакалавров. Баннерет имел право вести в бой воинов (часто также рыцарей) под соб-

ственным знаменем, на котором изображались его личные геральдические символы. Знамя было квадратным и внешне отличалось от треугольных штандартов и вымпелов нижестоящих по статусу рыцарей. Бакалавры, кстати, имели право сражаться только под чужими знаменами. Башельеры – рыцари щита, или «однощитные рыцари», в иерархии германских войск занимали низшую ступень, но, разумеется, все же – рыцарскую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.